

Приглашению Союза ивритских писателей Израиля и Федерации союзов писателей Государства Израиль страну посетила делегация глав писательских организаций Польши. Этот визит состоялся благодаря отделу культурных и научных связей МИДа Израиля, Польскому институту культуры и спонсорам

Вечно живые фигурки

Эфраим БАУХ

В делегацию вошли президент Союза писателей Польши Сергиуш Стерна-Ваховяк, поэт, эссеист, прозаик, киносценарист, живущий в Познани, Яцек Москва — президент Варшавского отделения Союза писателей, писатель и журналист, ведущий телепрограмм, автор биографии Иоанна Павла Второго, специалист по истории Ватикана. Габриэла Матучек, переводчица, специализирующаяся по польской и германской культурам, президент Союза писателей Кракова. Поэт и критик, профессор Анна Насиловска известна своими исследованиями польской литературы. Прозаик и поэт, глава Дома писателей в Варшаве Богдан Баран, автор книг «Трансценденция у Мартина Хайдеггера и Эммануила Левинаса», «Американская феноменология», «Постмодернизм конца века», переводов Вальтера Биньямина и Умберто Эко.

Гости посетили центральный архив Союза ивритских писателей «Гназим» в библиотеке «Бейт-Ариэла», ознакомились с рукописями Леи Гольдберг, Рахели, побывали в Христианском квартале старого Иерусалима и у Стены плача, посетили дом национального поэта Израиля Хаима Нахмана Бялика в Тель-Авиве.

В последующие дни делегация посетила Музей Израиля, Храм рукописей Кумрана, «Яд ва-Шем», где Анна Насиловска увидела портрет своего деда, Праведника мира, главы организации по спасению евреев.

На приеме в Доме писателей имени Шауля Черниховски в Тель-Авиве председатель Союза ивритских писателей Герцль Хакак подчеркнул историческую связь польских

Анна Насиловска

Фото: Владзимеж Василюк

евреев со своей древней культурой и призвал поляков к душевному самоанализу, связанному с Катастрофой, произведения гостей читали актеры Алекс Анский и Аяла Зильберман.

го польского городка, сгоревшей в огне Катастрофы. Ораторов переводила писательница Браха Розенфельд, произведения гостей читали актеры Алекс Анский и Аяла Зильберман.

Организацией визита занимались писатель и журналист Меир Узиэль и генеральный директор Союза ивритских писателей Арнон Порат.

Особенное впечатление произвело на нас стихотворение Анны Насиловской «Они» и рассказ Сергиуша Ваховяка «По возвращении домой».

Они

Анна Насиловска

Две старухи сплетничают над стаканом вина после ужина: Она не может быть нормальной После того, ну, ты знаешь, как это было:

Стояли они с сестрой перед крематорием,

Постукивали деревянными башмаками,

И она говорит: ужасно холодно, давай уже зайдем,

Ибо я больше не выдержу.

Сестра говорит:

Нет, подождем еще

Минутку.

Газ в тот день кончился.

И обе уцелели.

Ну, не могут они быть полностью нормальными после этого.

На следующее утро обе женщины говорят мне:

Ты этого не слышала.

Мы не рассказываем эту историю.

Никогда.

Это из-за вина.

Забудь.

Об этом молчат.

Обе уже за пределом жизни,

Молчат.

Я — помню.

Забыла лишь, о ком шла речь.

Не обо мне ли.

(Перевод Эфраима Бауха)

По возвращении домой

Сергиуш Ваховяк

Евреи городков Галиции — на путях скитания. Рыночные торговцы, издолышки, сброд. Слово бы все простак движутся скопом. Остроумцы. Крепкие духом. Лентяи, бездельники, глупцы, неудачники, ученики. Женщины, старики, подростки. Скрипач, худой как шест. Аккордеонист, широкостный и широкоплечий. Бородач держит кларнет золотистого цвета.

Ударник работает палочками в сумасшедшем ритме. Оркестр. Клоун соревнуется с умником, знатоком законов. Низкорослый сапожник скитается, как несколько пар обуви, качающихся на его ремне. Он перемигивается с торговцем рухляди, таким парнем напоказ, удивляющим размерами своего тела. Именно в этот момент проходит мимо них молоденькая девушка, стеснительно опустив голову. Глубоко мыслящий еврей несет под мышкой Книгу вечной мудрости, почтительно приветствуя шамеца, службу синагоги, из глубины которой доносится гортанный голос кантора. В приоткрытую дверь видны амвон, раввин со свитком Торы и молящиеся в талесах и тфилин. Маленькая площадь обдает запахами конского пота, кожи и соломы. Площадь пересекает группа учеников хедера в сопровождении мела-меда с пейсами.

На миг они останавливаются толпой вокруг старика с посохом, старейшины общины. Он вовсе не хромот. Посох просто символизирует веру, ведущую человека по дороге или бездорожью через долину Плача, что можно прочесть в Псалмах царя Давида. Десять мужчин, составлявших миньян, покидают синагогу. Из квартала хасидов доносятся пение и топот пляски. Хасиды приветствуют праведника, пришедшего из Бобова, вестника чудес, уважаемого Бен-Циона Хальберштама, да хранит его Всевышний. Раввин поднимает руку, призывая к молчанию. Все заходят в «штибель», где штабелями нагромождены на длинных столах книги. Ученики громко читают Тору. Хасиды, задвинув шляпы на затылок,

Сергиуш Ваховяк

Фото: Рышард Марчевски

раскачиваются в молитве, сосредотачиваясь на Божественных тайнах. Брови их приподняты, безмолвен их экстатический крик. На улице появляется продавец книг, он везет их на маленькой телеге в еврейские местечки — Криници, Мошино, Новы Сонч.

Перед войной многие евреи проживали в Новым Сонче и Мошино, придавая этим местечкам осо-

бенный колорит. Госпожа Кунигунда помнила их пейсы и бороды, летящие по ветру, черные капоты, маленькие ермолки, шапки, отороченные лисьим мехом. В ее памяти отчеканилась трагедия 748 евреев, жителей Мошино, из которых только двое остались живыми. И она решила увековечить в глине — этом хрупком, рассыпающемся материале — правду о хрупкости челове-

ческой жизни, о трагической судьбе избранного народа, сыны которого уже не живут в Мошино.

В доме трех ваятелей Залуцких в Мошино можно увидеть постоянное собрание — ряды керамических фигурок. Эти еврейские образы создала в шестидесятые годы двадцатого столетия скульптор Кунигунда Язовска (1908-1991).

(Перевод Эфраима Бауха)

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО на стр. 26

Русский рассказ

А мой дед Пейся в одно сияющее солнцем южное утро все из той же Одессы отплыл бы с многочисленной семьей, закопченным деревянным сундуком с разнообразными вещами и посудой в сторону Хайфы. Потом осел бы на тяжелой земле, строил бы кибуцы, будущую страну. А я был бы сначала маленьким, потом юным, затем молодым, а далее зрелым кибуцником.

Студентом и воином. Работником и воином. Мудрецом и воином.

Я сказал Меиру Шалеву: — «Русский роман» напоминает мне полотно Марфа. Потом осел бы на тяжелой земле, строил бы кибуцы, будущую страну. А я был бы сначала маленьким, потом юным, затем молодым, а далее зрелым кибуцником.

помощью творческой интуиции к небесам, проникает и познает именно душу русского еврея.

— Ты не первый, кто говорит об этом. Однажды в Париже, на выставке Марка Шагала один очень известный французский литературный критик сказал о духовной близости моей к великому художнику. «Рус-

ский роман»: «Другие летели верхом на белых северных гусях, крылья которых были в ширину «как от конца нашего сеновала до птичника», летели и кричали от восторга над широкими полями Украины и высоко над Черным морем...»

Меир Шалев сел в машину. Помахал мне рукой. Я нажал кнопку. Взвился

шлагбаум. Тендер, кажется — «Тойота», прокопченный кибуцной пылью, стал медленно выползать с бетонной стоянки на улице Ла Гардия.

Признаюсь, силой своего воображения я хотел поднять машину в воздух. Что бы когда-нибудь написать: «Меир Шалев летел на мощном автомобиле, оставляющем сзади золотую активную полосу, над волшебным городом Тель-Авивом и высоко над Средиземным морем». Но не поднял — у воображения моего не хватило сил.